

УДК 81.37

Л. М. Попкова
КОСВЕННЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА КАК ПРИЗНАК
СИТУАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

L. M. Popkova
INDIRECT WAY OF EXPRESSING THE MEANING AS A SIGN OF THE
SITUATION OF EXTORTION

Статья посвящена такому косвенному способу выражения смысла, как регулярный намек, используемому в целях кодирования «опасных» тем участниками диалогов в ситуациях вымогательства. Эмпирическим материалом служат телефонные разговоры лиц, замышлявших и осуществлявших преступное деяние, которое квалифицируется по ст. 163 УК РФ. В статье используются фрагменты проведенной автором экспертизы по материалам соответствующего уголовного дела. В связи с этим осмыслению подвергается целесообразность постановки перед экспертом-лингвистом целого ряда вопросов. Это вопросы о содержании в спорных речевых произведениях угрозы, о ее характере; о требовании к потерпевшему выплаты денег и причинении нежелательных последствий для него в случае отказа от выполнения такого требования; о предварительной договоренности лиц, осуществляющих вымогательство, о групповом характере совершения вымогательства и др.

Одни из указанных вопросов могут оказаться нецелесообразными из-за наличия в диалогах ситуации вымогательства регулярного намека, другие – выйти за пределы профессиональной компетенции эксперта-лингвиста.

The article is dedicated to such an indirect way of expressing the meaning, as the regular hint used for the encoding of "dangerous" topics by the participants in the dialogue in situations of extortion. The empirical materials are the calls of people who were plotting and conducting criminal activities that qualify under Art. 163 of the Criminal Code.

The fragments of the author's expertise of the materials from the relevant criminal proceedings are used in the article. In connection with this a number of problems stated for the expert linguist can be questioned. These are the issues about the threat expressed in the ambiguous contexts and its peculiarities; about the demand for the payment of money to the extorted and the infliction in case of non-fulfillment of such requirements; about the conspiracy of the extortionists, about the group character of the extortion committed and others.

Some of these issues may be impractical because of the regular hint existing in the dialogues in the situations of extortion, the other may go beyond the professional competence of an expert linguist.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза телефонных диалогов, юрислингвистика, вымогательство, регулярный намек, косвенный способ выражения смысла, эксплицитные и имплицитные смыслы.

Keywords: linguistic examination of telephone conversations, juristic linguistics, extortion, regular hint, indirect way of expressing the meaning, explicit and implicit meanings.

Среди проблем анализа диалога в лингвистической экспертизе отмечается такая содержательная проблема, как кодирование «опасных» тем в репликах его участников.

Такое кодирование является косвенным способом выражения смысла и связано с невозможностью или нежеланием говорящего использовать прямой способ передачи информации. Указанное кодирование обнаруживает такой прием имплицитного речевого воздействия, как намек. Определение категории намека, характеристика основных свойств

ситуации намека, типовые способы намекаания рассматриваются в статье И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер «Об одном способе косвенного информирования» [4].

Кодирование «опасных» тем традиционно используется участниками диалогов в ситуациях вымогательства. Под вымогательством, согласно ст. 163 УК РФ, понимается «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». В том случае, если вымогательство совершено группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц, если оно осуществляется с применением насилия или даже с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а также совершено в крупном или особо крупном размере, мера наказания резко возрастает. Именно поэтому в экспертной практике перед лингвистом может быть поставлен достаточно широкий круг вопросов, целесообразность которых далеко не всегда очевидна.

Привлечем в ходе размышлений отдельные фрагменты проведенной автором статьи экспертизы по материалам уголовного дела, связанного с вымогательством. Написанию экспертного заключения предшествовало неоднократное прослушивание аудиоматериалов с целью уточнения текстового содержания разговоров, проведения дифференциации и атрибуции реплик участников этих разговоров, выявления прагматического потенциала их высказываний. Поскольку в основной состав такого преступления, как вымогательство, входит угроза, обозначим участников данной речевой ситуации вымогательства как X (первый участник – инициатор, или «инструктор», формулирующий текст угрозы), Y (второй участник – исполнитель, непосредственно высказывающий угрозу), Z (участник, в отношении которого высказывается угроза).

К. И. Бринев, размышляя об угрозе как форме речевого поведения, говорит о ее наименьшей разработанности в юридической лингвистике и связывает это, в частности, с тем, что на глубинном уровне отсутствует необходимость привлечения специальных познаний при расследовании правонарушений, в состав которых входит угроза [2, с. 43].

Действительно, если при выражении угрозы используется регулярный, или продуктивный, намек, каждый носитель языка легко угадывает его содержание, и лингвист здесь не нужен. А в ситуации вымогательства может использоваться именно такой намек.

Со смысловой точки зрения он предполагает «обязательную реконструкцию своего содержания по неполным данным, то есть угадывание, в основе которого лежат относительно регулярные правила вычисления смысла и знания адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте». Намек формирует «имплицитную составляющую, непонимание которой может привести к коммуникативной неудаче» [1, с. 218].

Однако главный вопрос, на который обычно отвечает лингвист, выполняющий экспертизу по вымогательству, – это вопрос «содержится ли в спорном речевом произведении угроза?» Был поставлен подобный вопрос и в упомянутой экспертизе: «Имеются ли в высказываниях X и Y в ходе телефонных разговоров, аудиозапись и стенограмма которых предоставлена на экспертизу, слова и выражения, содержащие угрозы применения насилия, уничтожения и повреждения имущества, принадлежащего Z либо наступления других нежелательных для него последствий?»

Все телефонные разговоры в материалах дела – это разговоры между X и Y (участниками, обсуждающими акт угрозы). В разговоре No 2 X дает инструкцию Y по поводу его действий и беседы с Z. Ср.: *«Вот, ну и сказать: Слышишь, там туда-сюда, там, ну, к тебе там, ну, к тебе вопросов много у людей». Ну, вот, скажи: "Хочешь, чтобы на этом все закончилось, что было, то, ну, полтинник, короче. Нет?" Так скажи: "Мы знаем, где у тебя дача, что за машина". Ну и все. Это самое, скажи: "Два дня тебе срока. Ну, там позвоню, там, когда во вторник. И скажу, чего, куда положить". <...> Вот, это самое... Ну, так послушай его, что он там, как, чего будет говорить там. <...> Скажи, просто скажи,*

ну, нет, скажи так: "Мы знаем, где у тебя дача находится и что за машина". Скажи там, скажи: "Тогда на этом, ну, не закончится все"» (разговор No 2).

X, инструктируя Y, дважды повторяет реплики о даче и машине. Y точно выполняет указанную инструкцию в беседе с Z, а затем подробно отчитывается перед X в двух телефонных разговорах. Ср.: *«Я говорю, внимательно послушай! К тебе много вопросов. <...> Я тебе говорю, послушай, к тебе много вопросов, это раз! Во-вторых, через два дня я тебе звоню, ты должен будешь подать, я тебе скажу, в каком месте положишь 50.000, это два! В-третьих, если ты не поймешь, тогда будет по-другому. Будем общаться по поводу твоей дачи. Ты понял, в каком смысле. Все, давай! Вопросы есть?!»* (разговор No 8). *«Я говорю: "Слушай сюда! Е... твою..." <...>. Я говорю: «К тебе много вопросов». <...> Это раз. Во-вторых, через два дня я тебе позвоню. Ты должен в определенном месте, где я тебе скажу, положить 50 тысяч, это два. <...> В-третьих, если ты этого не сделаешь, то будем общаться по поводу твоей дачи. <...> Общались по поводу твоей жилплощади. " Я говорю: <...>"Ты все понял?". Он говорит: "Все". Я говорю: "Все, давай". <...> Я говорю: "Есть вопросы?" Он говорит: "Нету"»* (разговор No 9).

Поскольку регулярный намек предполагает обязательную реконструкцию своего содержания по неполным данным, адресат Z, зная конкретную проблемную ситуацию, обязательно должен вычислить, угадать, понять ту имплицитную информацию, которая стоит за репликами о машине и даче. Непонимание регулярного намека может привести его к нежелательным последствиям. В вербализованном виде эта информация сводится к угрозе повреждения или уничтожения машины и дачи Z.

Протокол допроса потерпевшего фиксирует тот факт, что Z понял сделанный ему намек: *«Этот мужчина сказал, что в том случае если я откажусь выплатить данную сумму, то может сгореть моя дача. <..> Данную угрозу я воспринял реально и очень испугался, что мне могут сжечь мою дачу, то есть уничтожить и повредить мое имущество»*.

Не сомневается в понимании данного намека адресатом и Y, который, угрожая Z, говорит ему: *«В-третьих, если ты не поймешь, тогда будет по-другому. Будем общаться по поводу твоей дачи. Ты понял, в каком смысле»*.

X, инструктируя Y, усиливает угрозу повреждения или уничтожения дачи и машины, принадлежащих Z, в случае отказа последнего выплатить 50 тысяч, словами **«Тогда на этом, ну, не закончится все»**. Усиливается угроза и жесткими условиями исполнения требований: срок выплаты денег очень короткий – 2 дня. Все это способствует нагнетанию ситуации и порождает у Z ожидание несчастий, осуществления обещанных угроз. (Заметим, однако, что в практике выявления лингвистических признаков угрозы лингвисту не рекомендуется оценивать ее восприятие потерпевшим.)

Вполне очевидная для всех информация уточняется в экспертизе вопросом о выдвигаемых вымогателями требованиях и характере возможных последствий их невыполнения: *«Содержится ли в аудиозаписях телефонных разговоров <...> слова и выражения о требовании к потерпевшему Z выплаты денег и причинении нежелательных последствий для него в случае отказа от выполнения такого требования?»*

Во всех трех приведенных разговорах называется требуемая от Z сумма – 50 000. Эту сумму, инструктируя Y, определяет X: *««Хочешь, чтобы на этом все закончилось, что было, то, ну, **полтинник, короче**»*. Требование, заявленное X, дано в форме эллиптически неполного предложения с пропущенным сказуемым, которое легко восстанавливается и понимается адресатом (значение этого сказуемого можно передать словом плати).

Y же, отчитываясь перед X, рассказывает о точном исполнении «инструкции», при котором названная сумма была озвучена Z: *«Во-вторых, через два дня я тебе звоню, **ты должен будешь подать**, я тебе скажу, в каком месте **положишь 50.000**, это два!»* А затем, передавая свой с ним разговор X, называет эту сумму еще раз: *«Во-вторых, **через два дня я тебе позвоню. Ты должен в определенном месте, где я тебе скажу, положить 50 тысяч,***

это два».

Фразы с требованием о выплате денег, сказанные Y в ходе его беседы с Z, а затем переданные в «отчете» X, содержат краткое прилагательное с модальным значением, **должен**. Предложения с таким компонентом в составе сказуемого (**должен будешь подать, должен положить**) передают значение вынужденности субъекта к совершению какого-либо действия. В данном случае речь идет о вынуждении Z заплатить 50000. Это эксплицитная форма выражения принуждения. Невыплата требуемой суммы грозит Z нежелательными последствиями, о которых идет речь во всех трех разговорах (см. приведенные ранее реплики X и Y).

Для конкретизации типа угрозы традиционно задаваемыми эксперту являются следующие вопросы: «Угрозы, какого характера содержатся в высказываниях? В какой форме они выражены?» В данном случае выражена угроза повреждения или уничтожения машины и дачи Z. Сказать более конкретно, что будет предпринято (разбиты стекла дачи, как это было сделано в квартире пострадавшего; осуществлен поджог или взрыв и т. д.) невозможно. Это связано с тем, что основная часть смысла в данном случае приходится на имплицитные слои, то есть на «то содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [3, с. 37].

Поскольку ст. 163 УК РФ содержит пункты о группе лиц или организованной группе лиц, совершающей вымогательство, перед лингвистом-экспертом может быть поставлен и вопрос: «Содержится ли в аудиозаписях телефонных разговоров <...> слова и выражения, свидетельствующие о том, что при вымогательстве денег у потерпевшего Z действовала группа лиц?» В приведенной экспертизе сделать какие-то развернутые лингвистические наблюдения в ответе на этот вопрос не представляется возможным. Можно лишь сказать, что этап подготовки звонка о вымогательстве носил коллективный характер, представляя собой диалог X и Y, то есть разговор двух лиц. Отметим также тот факт, что во фразе X «<...> *Слышишь, там туда-сюда, там, ну, к тебе там, ну, к тебе вопросов много у людей*» подчеркивается коллективность выдвижения требования к Z.

Таким образом, решение вопроса о групповом характере совершения вымогательства (когда на этапе подготовки звонка действуют два лица, но звонит и высказывает угрозу один человек, намекая на неопределенное множество лиц, предъявляющих требования), следует искать в юридической, а не в лингвистической сфере. Не должен лингвист, на наш взгляд, и решать проблему, является ли группа лиц, совершающих вымогательство, организованной группировкой (в данном деле такой вопрос был задан адвокатом).

Эксперт-лингвист по материалам записанных диалогов вполне может ответить на вопрос о предварительном сговоре группы лиц или организованной группы лиц, выдвигающих требования. Но требует ли привлечения его знаний вопрос «Содержатся ли в аудиозаписях телефонных разговоров между X и Y <...> слова и выражения, включающие в себя информацию о предварительной договоренности между ними на выдвижение требований к Z о выплате денег под угрозами применения насилия, уничтожения и повреждения принадлежащего ему имущества»? Или ответ на него является очевидным?

Слова и выражения, включающие в себя информацию о предварительной договоренности между X и Y, были обнаружены в аудиозаписях шести телефонных разговоров указанных лиц. Это, прежде, всего слова X. Ср.: 1) «*Смотри, сейчас я тебе пришлю эсэмэской два телефона, да*». 2) «*Это вот где вчера делали. Ну, не сегодня, а вчера*».

Фразы «*Это вот где вчера делали. Ну не сегодня, а вчера*» свидетельствуют о том, что накануне указанного звонка были предприняты некоторые действия, направленные против Z. Обратимся к его показаниям, зафиксированным в Протоколе допроса потерпевшего. В них Z говорит о том, что в два часа ночи (указанная дата предшествует разговору X и Y) было совершено нападение на его квартиру: «*Неизвестные мне лица одновременно выбили стекла в окнах моей квартиры. Были разбиты два окна в лоджии (окна одинарные), одно окно в комнате (разбито одно стекло) и одно окно в спальне (2 стекла навывлет)*», хочу уточнить,

что разбитые окна выходят на разные стороны дома. Кто именно выбил мне окна, я пояснить не могу, так как на улице никого не увидел».

Учитывая показания Z и опираясь на фразы X «*Это вот где вчера делали. Ну не сегодня, а вчера*», невозможно говорить о том, кто конкретно предпринимал действия против Z. Использование неопределенно-личного предложения, основная цель которого – назвать действие без точного указания на субъект его осуществления, это тоже элемент кодирования «опасной» темы. К тому же, и само действие названо глаголом *делали*, способным обозначить любое действие.

Однозначно можно утверждать только то, что и X и Y до момента предъявления требований Z о выплате денег знали, о предпринятых против него действиях и понимали, с какой целью эти действия осуществляются.

О предварительной договоренности свидетельствует диалог X и Y, зафиксированный в аудиозаписи разговора No 2, в котором идет предварительное обсуждение того, что и как говорить Z Роли в этом диалоге у названных лиц разные. X дает указания, «инструктирует» Y, а Y соглашается со сказанным и дает обещание эти указания выполнить, то есть достигается предварительная договоренность о выдвигании требований к Z выплатить деньги под угрозами повреждения или уничтожения принадлежащего ему имущества.

Ср.: *«X – Смотри, короче, надо будет позвонить, да?»*

Y – Угу.

X – Ну вот, откуда-нибудь с автомата, да... Вот, ну и сказать ... (см. текст разговора No 2, приведенного ранее).

Y – Ага.

X – Ну, давай, да?

Y – Ну, давай, ты мне номера тогда дай сейчас, скинь эсэмэской тогда.

X – Давай, давай, давай. Э.. Эдик там зовут, если что.

Y – Ага, Хорошо.

X – Ну, давай.

Так как субъективная сторона преступного деяния в данном случае характеризуется прямым умыслом, перед экспертом-лингвистом может быть поставлен вопрос «об умысле на совершение противоправных поступков». В данной речевой ситуации следует отметить наличие слов и выражений, которые свидетельствуют об осознании X и Y общественно опасного характера совершаемого деяния, понимании социального значения их поступков. Говоря об основных мотивах, побуждающих говорящего прибегнуть к намеку, И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер подчеркивают, что «некоторое сообщение нужно передать, утаив его смысл от присутствующих третьих лиц», и что «буквальное выражение некоторого смысла может быть расценено как поступок, нарушающий те или иные социальные нормы». «Чтобы избежать ответственности за такой поступок, говорящий прибегает к намеку, что позволяет ему в случае необходимости укрыться за буквальным смыслом употребленного выражения» [4, с. 464].

Таким образом, косвенный способ выражения смысла является отличительным признаком ситуации вымогательства. Кодирование «опасных» тем в диалогах, действительно, может создавать содержательные проблемы. Но приведенные фрагменты экспертизы, выполненной автором статьи, демонстрируют тот факт, что в телефонных разговорах лиц, замысляющих и осуществляющих преступное деяние, которое квалифицируется по ст. 163 УК РФ как вымогательство, используется регулярный намек, предполагающий обязательную реконструкцию своего содержания по неполным данным.

Это лишает целесообразности постановки перед экспертом-лингвистом целого ряда вопросов: «имеются ли в высказываниях X и Y в ходе телефонных разговоров <...> слова и выражения, содержащие угрозы применения насилия, уничтожения и повреждения имущества, принадлежащего Z либо наступления других нежелательных для него последствий?»; «содержится ли в аудиозаписях телефонных разговоров <...> слова и выражения о требовании к потерпевшему Z выплаты денег и причинении нежелательных

последствий для него в случае отказа от выполнения такого требования?» и др.

Как будто бы очевиден и ответ на вопрос о групповом характере совершения вымогательства, но лингвист не должен, на наш взгляд, делать заключение о том, является ли группа лиц, совершающих это преступное деяние, организованной группировкой, однако это уже проблема пределов компетенции лингвиста-эксперта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баранов, А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007.

2. **Бринев, К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009.

3. **Долинин, К. А.** ИмPLICITное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – No 4 – С. 92–97.

4. **Кобозева, И. М.** Об одном способе косвенного информирования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – No 5. – С. 462–470.